



Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 123–136
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 123–136
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-123–136

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ ПОНТА, ВИФИНИАРХ И ПОНТАРХ: ОСОБЕННОСТИ ТИТУЛАТУРЫ МАРКА АВРЕЛИЯ АЛЕКСАНДРА ИЗ АМАСТРИИ

Г.М. Творогов

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия*

E-mail: publetvgl@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8132-1264

В статье изучается надпись, найденная в Амастрии (Marek, Kat. Amastris 95), в которой упоминается представитель местной элиты Марк Аврелий Александр в качестве верховного жреца Понта (ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου), а также вифиниарха и понтарха (Βιθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης), что поставило под сомнение т.н. «теорию идентификации», отождествляющую верховных жрецов и койнархов. Анализ источников, найденных на территории провинции Вифиния-Понт, позволил сделать вывод о том, что формулировка «вифиниарх и понтарх» была устоявшейся в течение длительного времени и обозначала должностное лицо, исполнявшее одновременно свои обязанности главы койнона Вифинии и койнона городов Понта в Никомедии. Титул «ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου» следует отнести ко времени службы Марка Аврелия Александра в Амастрии. Утверждается, что употребление обоих титулов связано с разными периодами его деятельности, оно позволило избежать повторения титула «понтарх».

Ключевые слова: римские провинции, Малая Азия, императорский культ, Вифиния, Понт, койнон, верховный жрец, вифиниарх, понтарх, метрополия

ВВЕДЕНИЕ

Изучение организации и функционирования институтов императорского культа на территории восточных провинций Римской империи не теряет своей актуальности. Как известно, за проведение культовых мероприятий в честь императоров на провинциальном уровне отвечали κοινά – объединения городов внутри определенных регионов (эпархий) во главе с верховными жрецами. Другие титулы, которые использовались в отношении этих людей, сочетали в себе название эпархии, в рамках которой функционировал койнон, с добавлением -αρχ (азиарх, вифиниарх, понтарх, галатарх и т.д.)¹; для их

Данные об авторе. Глеб Михайлович Творогов – аспирант ЯрГУ.

¹ Модестин использует термин «жречество этноса»: ἔθνοος ἱερωσύνη, οἷον Ἀσιαρχία, Βιθυνιαρχία, Καππαδοκάρχια (Dig. XXVII. 1. 6. 14). О трактовке понятия «этнос» из этого фрагмента см. Vitale 2016, 96–102.

обозначения в научной литературе используется термин «койнархи»². Длительная дискуссия в историографии, в которой сторонники т.н. «теории идентификации», отождествляющей верховных жрецов и койнархов, противостоят оппонентам, не разделяющим это отождествление, длится более века³, однако к окончательному решению антиковеды не пришли до сих пор.

Одним из наиболее важных аргументов противников идентификации является одновременное употребление названных терминов в отношении одного и того же человека в надписях с перечислением его заслуг. Такие случаи были обнаружены в κοινά Македонии (EKM 1. Beroia 68, 69; SEG 16. 390; IG X, 2 1 163; SEG 49. 816, 817), Западного Понта (IScM I 178–180; IScM II 52, 69; IScM III 99, 100), Галатии (IAnkyraBosch 139, 249–253, 287). Примечательно, что в каждом из указанных случаев оба титула находятся в одном ряду с исполняемыми в рамках койнона должностями, что дало повод сторонникам идентификации – П. Херцу⁴, а впоследствии Ф. Кирбихлеру⁵ и М. Витале⁶ – понимать их как две стороны одной и той же службы: титул койнарха использовался для указания на политический и административный аспекты этой службы, а титул архиерея – на религиозный. В вышеперечисленных примерах это объяснение может быть допустимо, однако надпись, обнаруженная на территории епархии Понт двойной провинции Вифиния-Понт (Marek, Kat. Amastris 95)⁷, выбивается из общего правила. Считаю необходимым привести ее целиком:

ἀγα[θῇ τῇ] χηρῇ θεῷ [π]ατρίῳ Διὶ Βονιτηνῷ
Μάρ[κος] Αὐρήλιος Ἀλέξανδρος Γαίου τοῦ
καὶ Ἀρελίου τοῦ προστάτου καὶ γενεάρχου
ἐκ προγόνων καὶ κτίστου τῶν ἱερῶν τόπων καὶ
τροφέως ἀσυνκρίτου καὶ πρώτου ἄρχοντος
καταρξαμένου τῶν θεμελίων τοῦ ναοῦ ὁ γενεάρχης
καὶ προστάτης καὶ κτίστης καὶ τρο-

φεὺς καὶ ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου, ἄρξας τὴν μεγί-

στην ἀρχὴν τῆς λαμπρότατης Ἀμαστριανῶν
πόλεως, Βειθυνάρχης καὶ Ποντάρχης τιμη-

θεὶς ὑπὸ θεοῦ Ἀντωνεῖνου, πάσαις ταῖς τῆς
πολιτείας τιμαῖς διαπρέψας, κατασκευάσας

τὸν ναὸν μετὰ παντὸς τοῦ κόσμου {vac.}
ἀφιέρωσεν {vac.} ἐν τῷ θεοῦ ἔτει. {vac.}

Благой судьбе! Богу Зевсу Бонитену Марк
Аврелий Александр, сын Гая и внук Арейпа,
который был вождем и генеархом

от предков, основателем священных мест,
несравненным воспитателем, первым
архонтом, заложившим фундамент храма,
(Марк Аврелий Александр) генеарх, вождь,
основатель, воспитатель,
верховный жрец Понта, занимавший
высшую должность,
блистательнейшего полиса амастрийцев,
вифиниарх и понтарх, удостоенный почестей

божественным Антонином, всеми почестями
гражданства отмеченный, освятил храм,
соорудив
(его) со всем убранством.
В 279 году.

² Edelman-Singer 2015, 161.

³ Наиболее острые научные дискуссии велись относительно отождествления верховных жрецов Азии и азиархов – см. Творогов 2025; Filippini 2019, 181–194.

⁴ Herz 1992, 102–103, 108.

⁵ Kirbihler 2008, 117.

⁶ Vitale 2016, 104–105.

⁷ Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой на территории Малой Азии существовало два отдельных понтийских койнона (κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων и κοινὸν Πόντου). Историография по этому вопросу: Sørensen 2016, 75–84; Wu 2018, 16–21.

В приведенной надписи перечислены заслуги гражданина Амастрии Марка Аврелия Александра. Среди должностей, занимаемых им, есть и понтарх, и верховный жрец Понта. Это обстоятельство позволило таким исследователям, как Т. Беккер-Нильсен⁸, Й. Мадсен⁹ и Э. Борджия¹⁰, утверждать, что оба титула обозначают разные должности. Однако сведения, которые содержатся в данном источнике, по нашему мнению, не так однозначны, как может показаться на первый взгляд.

СОДЕРЖАНИЕ НАДПИСИ

Надпись, датируемая 209 г. н.э., была найдена в нескольких десятках километров к юго-востоку от Амастрии¹¹. Она посвящена Зевсу Бонитену М. Аврелием Александром, который завершил строительство храма, основанного еще его дедом Арейпом¹². Титул генеарха, возглавивший перечень достижений Александра, должен был подчеркивать его лидирующую роль в местном клане; такое руководство, по мнению Ч. Ву, имело под собой религиозную основу и требовало от генеарха определенных инвестиций на поддержание местного культа, важного для возглавляемого им клана¹³. Остальные локальные титулы – *πρωτάτης, κτίστης, τροφεύς* – Александр, как предполагается, также занимал в связи со святилищем Зевса Бонитена¹⁴.

Далее М. Аврелий Александр перечисляет свои официальные должности, однако располагает их в необычном порядке: «*ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου, ἄρξας τὴν μεγίστην ἀρχὴν τῆς λαμπροτάτης Ἀμαστριανῶν πόλεως, Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης*». Это несколько отличается от размещения титулов, характерного для других надписей, где указываются и верховное жречество, и койнархия: по непонятной причине должности, которые исполнялись Александром в одном койноне, отделены друг от друга, причем между ними автор надписи поставил не только титул главы союза Вифинии, но и муниципальный – главного магистрата Амастрии. Также нужно отметить, что исполнение должности койнарха являлось пиком политической карьеры провинциала¹⁵, из-за чего в значительной части надписей, прославлявших представителей элиты, эту должность стремились разместить ближе к началу списка достоинств знати. Поэтому в случае М. Аврелия Александра было бы логично поместить все титулы, связанные с его деятельностью на надписном уровне, перед *ἄρξας τὴν μεγίστην ἀρχὴν τῆς λαμπροτάτης Ἀμαστριανῶν πόλεως*. Как же тогда объяснить причину столь странной расстановки?

⁸ Bekker-Nielsen 2008, 84.

⁹ Madsen 2009, 93.

¹⁰ Borgia 2018, 301.

¹¹ Wu 2018, 155.

¹² Не совсем понятно утверждение С.Л. Серенсена (Sørensen 2016, 74) о том, что описанный здесь храм был святилищем императорского культа в Амастрии; речь идет о храме Зевса Бонитена.

¹³ Wu 2018, 156.

¹⁴ Ruscu 2019, 625.

¹⁵ Quaß 1993, 216; Burrell 2004, 346.

МАРК АВРЕЛИЙ АЛЕКСАНДР КАК ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ ПОНТА

Прежде всего необходимо определить, в каком месте М. Аврелий Александр исполнял свои служебные обязанности в качестве верховного жреца Понта. Мы допускаем, что таким городом могла стать Амастрия. Одним из доказательств этого является наличие на монетах полиса, датированных последними годами правления Траяна, титула метрополии¹⁶ (RPC III 1204A, 1205, 1207, 1208, 1209, 1210). Город с таким названием представлял собой религиозный центр койнона, где проводились культовые и праздничные мероприятия в честь императоров¹⁷. Одним из условий предоставления полису этого высокого звания могло стать наличие в нем верховного жреца¹⁸, которому вменялись обязанности по организации такого рода празднований. Следовательно, Амастрия, равно как и Гераклея Понтийская, обладавшая рангом метрополии в то же время (RPC III 1161–1170, 1172–1176), могли принимать у себя собрания койнона, возглавляемого архиереем. Однако после смерти Траяна этот титул для обоих полисов исчезает из источников, что позволило Б. Пюэшу усомниться в том, что Амастрия и Гераклея Понтийская когда-либо были метрополиями в официальном значении этого слова¹⁹. Мы не согласны с данной точкой зрения: исследование Б. Зайонц показало, что на интересующих нас амастрийских монетах имеются отсылки к императорскому культу. Так, серия монет с изображением Диониса и легендой DIONYCOC CEBACTOC на аверсе (RPC III 1209) может служить одним из способов отождествления императора с популярным богом²⁰. На других монетах император сравнивался с Гелиосом как символом власти (RPC III 1210)²¹. Еще один монетный тип с изображением Помпеи Плотины, супруги императора Траяна, имел легенду ΠΛΩΤΕΙΝΑ ΘΕΑ CEBACTH (RPC III 1208), что подчеркивает божественную сущность одного из членов императорской семьи. Примерно в то же время, когда были отчеканены эти монеты, в Амастрии появилась надпись в честь Тита Юлия Аквилы, верховного жреца Понта, носившего венец (ἄ[v]λαβόντ[α] στέφα[v]o[v])²², которого почитил койнон городов Понта (Marek, Kat. Amastris 7). Кроме этого источника, а также надписи в честь М. Аврелия Александра, в Амастрии были найдены свидетельства еще о трех верховных жрецах Понта / понтархах (Marek, Kat. Amastris 12, 19, 55), охватывающие период от начала II в. н.э. до начала III в. н.э.; ни в одном другом понтийском полисе не было обнаружено больше. В городе имелась необходимая инфраструктура для заседаний койнона, в том числе культовое сооружение для поклонения императору²³. Доказательством является обнаруженная здесь статуя принцепса (предположительно, Адриана) в кирасе, установленная, вероятно, в императорском зале банно-гимнастического комплекса и, возможно, имевшая культовое значение²⁴. Еще одним, пусть и косвенным, подтверждением того, что

¹⁶ Zając 2023, 70–71.

¹⁷ Puech 2004, 395; Heller 2006.

¹⁸ Puech 2004, 393.

¹⁹ Puech 2004, 359–360.

²⁰ Zając 2018, 81–82.

²¹ Zając 2018, 82.

²² Данный атрибут верховных жрецов зафиксирован также в других источниках, см.: Грацианский 2022, 82.

²³ Wu 2018, 287–289.

²⁴ Aydin et al. 2015, 232–233.

город мог быть местом собрания койнона, является структура изучаемой нами надписи, точнее, фрагмента с перечислением должностей и титулов М. Аврелия Александра. На наш взгляд, этот отрывок можно разделить на три части: первая (γενεάρχης καὶ προστάτης καὶ κτίστης καὶ τροφεὺς) содержит локальные титулы, характеризовавшие Александра как лидера пафлагонского клана, тратившего средства на обустройство храма одного из местных культов; вторая (ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου, ἄρξας τὴν μεγίστην ἀρχὴν τῆς λαμπροτάτης Ἀμαστριανῶν πόλεως) включает сведения, какие должности он исполнял непосредственно в самой Амастрии (провинциальную и муниципальную); третья (Βεῖθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης τειμηθεὶς ὑπὸ θεοῦ Ἀντωνεῖνου, πάσαις ταῖς τῆς πολιτείας τεῖμαῖς διαπρέψας) информирует о том, чего он достиг за пределами территории родного полиса.

Таким образом, совокупность вышеизложенных свидетельств позволяет сделать вывод о том, что Амастрия могла служить местом собраний койнона с председательствовавшим на них верховным жрецом Понта, и М. Аврелий Александр, по нашему предположению, как обладатель этого титула реализовывал свои обязанности в данном качестве именно в Амастрии.

«ВИФИНИАРХИ И ПОНТАРХИ»

Перейдем к рассмотрению связанных друг с другом титулов Βεῖθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης, поскольку единой точки зрения на то, как осуществлялись эти должности, нет. М. Витале, констатирующий наличие тесной связи между койноном городов Понта и койноном Вифинии (с опорой на исследование К. Марека²⁵), заключил, что обе должности могли исполняться одним лицом одновременно в ходе периодических совместных заседаний делегатов от обоих союзов²⁶. С иной позицией выступила Ю. Далайсон²⁷, по мнению которой невозможно установить, исполнялись ли эти должности одновременно или попеременно. Еще критичнее отнесся к положениям М. Витале С.Ю. Сапрыкин²⁸, утверждавший, что обе должности исполнялись поочередно. Для того чтобы сформулировать нашу точку зрения, необходимо рассмотреть все имеющиеся источники с указанием людей, обладавших как титулом вифиниарха, так и титулом понтарха.

²⁵ Marek 1993, 73–82.

²⁶ Vitale 2012, 196–197.

²⁷ Dalaison 2016, 200–201.

²⁸ Сапрыкин 2017, 677–678.

Таблица 1.

Отмеченные в источниках «вифиниархи и понтархи»

Имя	Должность	Датировка надписи	Ссылка
Не сохранилось	<Βειθυνι(?)>άρχ<η>ν καὶ Ποντά[ρ]χην	117–138 гг.	IK Prusa ad Olympum 13
Марк Домиций Юлиан	Βειθυνιάρχου καὶ Ποντάρχου	II в.	IK Prusias ad Hypium 53
Ульпий Тит Элиан Антонин	Βειθυνιάρχου καὶ Ποντάρχου	Конец II – начало III вв.	IK Prusias ad Hypium 17
Тит Ульпий Элиан Папиан	Βειθυνιάρχην καὶ Ποντάρχην	Конец II – начало III вв.	IK Prusias ad Hypium 17
Марк Аврелий Александр	Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης	209 г.	Marek, Kat. Amastris 95
Марк Аврелий Хрисений Деметрий	Βειθυνιαρχίας καὶ Πονταρχίας	После 212 г.	IK Prusias ad Hypium 29

Какие выводы мы можем сделать из приведенных данных? Во-первых, на сегодняшний день обнаружены сведения о шести должностных лицах в провинции Вифиния-Понт, отмеченных как «вифиниархи и понтархи», а также о девяти вифиниархах²⁹, пяти понтархах³⁰ и трех верховных жрецах Понта (мы не берем в расчет понтархов и верховных жрецов Понта, сведения о которых обнаружены за пределами епархии Понт двойной провинции Вифиния-Понт; информации об этих должностных лицах в других регионах Малой Азии несколько меньше – всего один архиерей Понта и пять понтархов)³¹. Из этого следует, что занятие обеих должностей одним лицом было достаточно частым явлением в северо-западной Анатолии. Необходимо отметить практически полное отсутствие других источников, где бы фигурировали люди, занимавшие главенствующее положение в разных κοινά. Исключениями являются случаи Марка Аврелия Миндия Маттидиана Поллиона, обладателя титулов βειθυνιάρχου δις καὶ ἀσιάρχου ναῶν τῶν ἐν Ἐφέσῳ (OGIS 525) / ἀρχιερέα Ἀσίας ναῶν τῶν ἐν Ἐφέσῳ ... τρις βειθυνιάρχην (IEph 627, 3056), и Луция Цецилия Прокла, понтарха и лесбарха (Marek, Kat. Amastris 19). Трудно представить, чтобы и тот, и другой исполняли свои обязанности в этих союзах одновременно, однако мы не считаем правильным использовать это обстоятельство в качестве аргумента применительно к целым шести «вифиниархам и понтархам», как это делает Ю. Далайсон³². Во-вторых, все надписи с данными о таких людях, по меткому замечанию К. Марека, найдены только на территории провинции Вифиния-Понт (пять – в городах епархии Вифинии, одна – в епархии Понт); лишь в ее пределах зафиксировано совмещение должностей вифиниарха и понтарха в одном лице³³. В-третьих, в течение целого столетия формулировка «Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης» никак не изменилась: мы не наблюдаем перестановок терминов (в случае с надписью из Амастрии было бы логичнее поместить титул понтарха перед титулом вифиниарха) или повторения исполнения должностных обязанностей койнарха хотя бы в одном из κοινά, как в

²⁹ Не считая лиц, обозначенных в источниках как архонты койнона эллинов в Вифинии.

³⁰ Надпись из Амиса (St. Pont. III 2) содержит сведения о супружеской паре понтархов, Марке Юлии Юлиане и Секстилии Кирилле, поэтому в нашу статистику включены четыре мужчины и одна женщина; о том, почему женщины также могли обладать титулом койнарха, см. Edelman-Singer 2016, 401.

³¹ Таблица со всеми известными вифиниархами и понтархами – Dalaison 2016, 196–199.

³² Dalaison 2016, 201.

³³ Marek 1993, 77.

ситуации с Поллионом. Можно согласиться с версией М. Витале, объяснявшего этот феномен «эпиграфической привычкой»³⁴.

Суммируя вышесказанное, мы полагаем правомерным утверждать, что все перечисленные «вифиниархи и понтархи» синхронно председательствовали как в κοινὸν Βειθυνίας, так и в κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων, исполняя жреческие функции на общих праздниках обоих κοινά. Такой вывод мы можем сделать с опорой на надпись из Прусиады-на-Гипии (IK Prusias ad Hypium 53), в которой перечисляются родители Кальпурнии Домиции Маркианы: отец, Марк Домиций Юлиан, вифиниарх и понтарх, а также неокор богини Деметры, и мать, Флавия Домиция Артемонида, верховная жрица и неокор богини Деметры. Как известно, архиереи/койнархи могли привлекать к совместной службе своих родственников и жен³⁵. В нашем примере мы видим именно такую ситуацию, и Флавия Домиция Артемонида, вероятно, была верховной жрицей Вифинии и Понта. Но почему в ее титуле отсутствуют уточняющие топонимы? Свою роль сыграла эпиграфическая традиция: удивительно, но мы не знаем ни одного ἀρχιερεὺς τῆς Βιθυνίας, а в источниках встречаются лишь вифиниархи и архонты койнона³⁶. Было высказано предположение, согласно которому упомянутые в вифинских источниках обычные верховные жрецы, чей титул не сопровождался топонимом, и были теми самыми провинциальными архиереями³⁷. Если данная теория верна, то пробел в конкретизации титула Флавии Домиции Артемониды становится вполне объяснимым, равно как и отсутствие «верховных жрецов Вифинии и Понта».

ПЕРВЫЙ ГОРОД ВИФИНИИ И ПОНТА

Заседания койнона Вифинии проходили в Никомедии – полисе, который получил от самого Августа право на строительство одного из первых (наравне с пергамским) храмов императорского культа провинциального значения на всем греческом Востоке (Cass. Dio. LI. 20. 7), что впоследствии позволило обрести статус города-неоко́ра. Полис также обладал такими почетными титулами, как «метрополия» (еще при Клавдии – RPC I 2076–2081) и «первый город» (начиная с правления Домициана – RPC II 653–664). Однако у Никомедии был серьезный конкурент в лице Nikei. Известно, что с середины I в. н.э. она называла себя «первым городом эпархии» (RPC I 2042), а начиная со второй половины I в. н.э. происходила настоящая война за титулы. И Никомедия, и Nikeia претендовали на титул «первого города», который фиксируется в эпиграфических и нумизматических источниках в разных вариациях:

³⁴ Vitale 2012, 196.

³⁵ Herz 1992, 101–102; Kirbihler 2008, 113, 117; Edelmann-Singer 2016, 388–402.

³⁶ Campanile 1995, 346.

³⁷ Fernoux 2004, 353–354; Vitale 2012, 194.

Таблица 2.

Понятие «первый» в титулатурах Никомедии и Никеи

	Первый (город)	Первый (город) эпархии	Первый (город) Вифинии	Первый (город) Вифинии и Понта / Понта и Вифинии
Никомедия	RPC II 653, 663A; RPC IV.1 5585, 5592, 5593, 5594, 5597, 5650, 5652, 5653, 6061, 6062, 6065, 6068–6072, 6079, 6117, 6257, 7976, 7978, 7980, 10022, 10435, 10655, 11854, 25050	Свидетельства отсутствуют	RPC II 656–660b, 662, 663, 663B, 664; RPC III 1089, 1091	RPC II 654–655A, 661; RPC III 1090, 1092; RPC VI 3395; TAM IV,1 34; BCH 39 (1915) 51 note 3; SEG 29. 1345; TAM IV,1 25
Никея	RPC II 632, 641A; RPC III 1059	RPC I 2042; RPC II 633–637, 639, 640A, 641, 644–646; IK Iznik 25–28, 53–54	RPC II 630–631C	RPC II 638, 640, 642, 643, 647; IK Iznik 29, 30, 30A

Следует задаться вопросами: какие города имели право называться «первыми» и как объяснить такое обилие формулировок? Исследователи по-разному трактуют это понятие. Б. Баррелл полагала, что среди всех титулов «первый город» занимал особое положение: он находился в центре своеобразной «паутины», которая формировалась из входивших в союз общин³⁸. По ее мнению, голос такого города на собраниях койнона имел наибольший вес и мог оказывать влияние на позицию других полисов³⁹. Иначе трактовала значение понятия «πρώτη πόλις» А. Хеллер, для которой он был исключительно почетным титулом без какого-либо серьезного содержательного компонента: «он не выражал ничего иного, как только обладание первым местом в том этикете, который регулировал собрания койнона»⁴⁰. В данный момент мы не будем вступать в дискуссию: для настоящего исследования важен лишь тот факт, что титул «πρώτη πόλις» использовался его владельцами с целью подчеркнуть свое высокое положение в рамках κοινά.

Важнейшим источником, из которого мы черпаем информацию о том, как можно было получить этот титул, является речь представителя Второй софистики Диона Хрисостома, посвященная вражде Никеи и Никомедии и их взаимным претензиям на статус «первого города» (Dio Chrys. Or. XXXVIII). Оратор подмечает, что оба города боролись за право идти впереди шествия (Dio Chrys. Or. XXXVIII. 38): вероятно, здесь имелась в виду торжественная процессия представителей городов, входивших в состав койнона, ежегодно собиравшихся на праздничные мероприятия в честь императоров и следовавших к месту жертвоприношения⁴¹. Решение же о предоставлении титула «первого» принималось городами союза: «Ныне же дело обстоит так, что раздор ваш взволновал другие города. Тем кажется, будто вы ждете от них помощи, каковая

³⁸ Burrell 2004, 357–358.

³⁹ Burrell 2004, 358.

⁴⁰ Heller 2006.

⁴¹ Price 1984, 128–129.

и вправду потребна в вашем споре, ибо вы походите на двух славных мужей, не способных прийти к согласию в делах государства. Тем приходится перед всеми заискивать – даже перед теми, кто много слабее их. И покуда вы боретесь за первенство, велика опасность, что оно окажется в руках тех, перед кем вы ныне заискиваете» (Dio Chrys. Or. XXXVIII. 34–35. Пер. С.И. Межерицкой). Отсюда следует, что титулы «первый», «первый эпархии», «первый Вифинии» могли быть дарованы общинами того объединения, куда входили оба города, а именно койнона Вифинии. Но как объяснить тот факт, что Никея и Никомедия носили титул «первый Вифинии и Понта / Понта и Вифинии»? На каких основаниях союз вифинских полисов дал разрешение на добавление к титулу топонима «Понт» и почему соседний койнон городов Понта не воспротивился этому? Л. Робер, посвятивший одну из своих работ соперничеству Никомедии и Никей, видел в этом стремление обоих городов превзойти друг друга в пышности титулатуры⁴². Схожие мысли высказывала и А. Хеллер, по мнению которой данная формулировка была не более чем риторическим преувеличением, поскольку и тот, и другой полис стремились возвысить свое положение в масштабах всей провинции; такой титул впоследствии стал официальным и одобренным римскими властями⁴³. С диаметрально противоположной точкой зрения вновь выступил М. Витале. Согласно его концепции, разрешение на то, чтобы Никомедия и Никея добавили к своим титулам «первых» топоним «Понт», те получили от κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων⁴⁴. Это было возможно благодаря особой административной связи двух эпархий одной провинции – Вифинии и Понта⁴⁵. Исследователь выдвинул гипотезу, согласно которой заседания койнона городов Понта могли проходить у вифинских соседей в их главных центрах – Никомедии и Никее⁴⁶; при этом оба κοινά действовали совместно во главе с «вифиниархами и понтархами»⁴⁷. Схожая ситуация, доказывает М. Витале, была характерна для провинции Киликии, где в метрополиях Тарсе и Аназарбе проводились совместные игры и заседания κοινά трех эпархий (Киликии, Исаврии, Ликаонии), входивших в ее состав⁴⁸, хотя у нас и нет сведений о верховных жрецах / койнархах всех трех эпархий, только о киликархах⁴⁹.

Мы солидарны с М. Витале в том, что периодические совместные заседания обоих κοινά действительно были и, вероятно, проходили на территории эпархии Вифинии. При этом сам койнон городов Понта, когда собирался отдельно, вероятно, проводил свои заседания в собственной эпархии. Выше мы обосновали свою позицию о том, что Амастрия могла быть местом собраний κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων. Еще одним таким полисом стала Гераклея Понтийская. На это указывает найденная на ее территории надпись, в которой «совет, народ и койнон городов Понта почтили добровольно избранного и щедрого верховного жреца

⁴² Robert 1977, 4.

⁴³ Heller 2006.

⁴⁴ Vitale 2012, 190.

⁴⁵ Vitale 2012, 196–197; Vitale 2014, 57–58.

⁴⁶ Vitale 2012, 179–180, 187.

⁴⁷ Vitale 2012, 180, 191, 196–197.

⁴⁸ Vitale 2012, 191; Vitale 2014, 58. С конца II в. н.э. Тарс и Аназарб стали использовать следующую титулатуру: μητρόπολις τῶν τριῶν ἐπαρχιῶν Κιλικίας Ἰσαυρίας Λυκαονίας προκαθεζομένη. Подробнее об этом см.: Nollé 1995, 39–50.

⁴⁹ Vitale 2012, 318.

Понта Аврелия Александра, сына Тимофея» (IK Heraclea Pont. 3)⁵⁰. В еще одной крайне фрагментарной надписи из Гераклеи имеется словосочетание «τῶν ἐν τῷ Πόντῳ πόλιων» (IK Heraclea Pont. 82), явно отсылающее к соответствующему койнону. Другое свидетельство оттуда же сообщает о почестях, оказанных верховной жрице божественного Антонина Клавдии Сатурнии ее племянницами по решению собрания койнона и отечества (κατὰ τὸ κρίμα τοῦ κοινοβουλίου καὶ τῆς πατρ[ίδ]ος – IK Heraclea Pont. 1)⁵¹. Мы уже отмечали, что Гераклея, наравне с Амастрией, упоминается на монетах эпохи Траяна в качестве метрополии (RPC III 1161–1170; 1172–1176), а также во второй половине III в. н.э. (RPC X ID 59945, 59948, 59971, 86466, 86467, 86473). Во времена Филиппа Араба Гераклея обрела статус города-неоко́ра⁵², а в нескольких источниках II в. н.э. и второй половины III в. н.э. (IK Heraclea Pont. 51; RPC X ID 59948, 86466, 86467) полис фигурирует как «первый город Понта».

ПРИЧИНЫ ЛИШЕНИЯ АМАСТРИИ И ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ ТИТУЛА «МЕТРОПОЛИЯ»

Итак, оба полиса (Амастрия и Гераклея Понтийская), по нашему мнению, являлись центрами койнона городов Понта, однако после смерти Траяна они перестают упоминаться в источниках как метрополии (лишь Гераклея вновь получит этот титул, но спустя более века). Чем это можно объяснить?

Мы считаем, что лишение обоих понтийских городов титула «метрополия» являлось следствием борьбы Никомедии и Nikei. В 123 г. н.э. последняя добивается от императора Адриана огромных уступок: в добавление к своему титулу «первого города» она получает статусы метрополии и неоко́ра, о чем торжественно объявили ее жители, сделав две идентичные надписи на городских воротах (... ἡ εὐσεβεστάτη νεωκόρος τῶν Σεβαστῶν, ἀπὸ Διονύσου καὶ Ἡρακλέους πρώτη Βιθυνίας καὶ Πόντου, ἡ μητρόπολις ... – IK Iznik 29, 30), однако позднее титулы оказались стерты. Причину этой утраты пытался определить Л. Робер, полагавший, что данное событие пришлось на конец II в. н.э. в момент противостояния Септимия Севера и Песценния Нигера, когда Никомедия поддержала первого, а Nikea – последнего (Herodian. Hist. III. 2. 9). Одержав победу, Септимий Север наказал выступившие против него города (Cass. Dio LXXV. 8. 4), что могло стать причиной лишения Nikei всех ее титулов⁵³. Однако ряд исследователей выступили против такой интерпретации⁵⁴, поскольку в городской чеканке Nikei, начиная как минимум с правления Антонина Пия (при Адриане в чеканке Nikei наблюдается лакуна⁵⁵), полис не упоминал как дарованные в 123 г. н.э. привилегии, так и титул «первого города». Более того, в двух схожих по содержанию эфесских надписях, относящихся ко времени Коммода, прославлялся Марк Аврелий Миндий Маттидиан Поллион, бывший куратором трех вифинских городов – τῆς λαμπροτάτης μητροπόλεως Νεικομηδείας, Νεικέας, Προύσης (IEph 627,

⁵⁰ Αγαθῇ τύχῃ. ἡ βουλὰ καὶ ὁ δᾶμος καὶ τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλιων ἐτείμασαν τὸν αὐθαίρετον καὶ μεγάλόψυχον ἀρχιερέα τοῦ Πόντου, Αὐρήλιον Ἀλέξανδρον Τεμποθέου. Надпись составлена на диалекте и была найдена в пределах Гераклеи Понтийской: это в совокупности дает нам основание предположить, что данный город был местом заседаний койнона (Sørensen 2016, 74).

⁵¹ Siekierka et al. 2021, 966–967.

⁵² Burrell 2004, 257.

⁵³ Robert 1977, 23–28.

⁵⁴ Puech 2004, 364–365; Heller 2006; Bertolazzi 2020, 103–104.

⁵⁵ Robert 1977, 19.

3056); из них метрополией была названа только Никомедия. Отсюда следует, что Никея потеряла свои титулы гораздо ранее конца II в. н.э. – или при Адриане, или при Антонине Пие⁵⁶. Это совпадает с тем временем, когда Амастрия и Гераклея Понтийская также перестали упоминаться в эпиграфических и нумизматических источниках в качестве метрополий. Мы считаем, что эти события были друг с другом каким-то образом связаны, однако определить причину, по которой все эти города утратили свои титулы, не представляется возможным. Наиболее внятное объяснение дала А. Хеллер: вероятно, Никомедия, для которой статус метрополии был крайне важен, стремилась остаться единственной метрополией и использовала свои рычаги давления для лишения Никеи ее новых привилегий⁵⁷. Дополняя эти рассуждения, мы можем предположить, что Никомедия использовала свое влияние не только для устранения титулов своей главной соперницы, но и для ликвидации двух официальных метрополий в епархии Понт, чтобы таким образом обрести исключительное положение во всей провинции.

Приведенный порядок рассуждений, однако, не должен вводить нас в заблуждение относительно того, где отдельно от вифинского союза заседал койнон городов Понта и исполняли свои обязанности верховные жрецы Понта / понтархи. Например, Смирна, Кизик и Сарды, к которым были приписаны верховные жрецы Азии / азиархи ввиду появления в них храмов императорского культа провинциального значения (уникальность койнона Азии заключается в том, что там одновременно служили как минимум пять архиереев: в Пергаме, Смирне, Эфесе, Кизике и Сардах⁵⁸), смогли получить статус метрополии только в III в. н.э., в то время как Пергам и Эфес приобрели его уже во II в. н.э.⁵⁹ Перге и Сиде, крупнейшие памфилийские города, стали именоваться метрополиями только в эпоху «солдатских императоров» (Перге при Таците, Сиде при Пробе)⁶⁰. Нам неизвестна метрополия койнона Лесбоса, при этом мы знаем о существовании лесбархов (Marek, Kat. Amastris 19) и «первого города Лесбоса» – Митилены (RPC X ID 61445, 84194, 85379, 85383, 85384). Следовательно, недостаточно быть местом заседаний койнона, иметь верховного жреца и проводить игры под эгидой союза, чтобы стать метрополией; все перечисленные факторы, вероятно, являлись лишь условиями для предоставления этого почетного титула⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: Марк Аврелий Александр занимал пост верховного жреца Понта в одном из городов епархии Понт – Амастрии или Гераклее Понтийской (мы склоняемся к первому варианту). Как «вифиниарх и понтарх», он служил в епархии Вифинии, а именно в Никомедии, крупнейшем городе провинции, ставшим к началу III в. н.э. бесспорным лидером в своем регионе, монополизировав титулы метрополии, первого города

⁵⁶ Bertolazzi 2020, 104.

⁵⁷ Heller 2006.

⁵⁸ Kirbihler 2008, 108, 113, n. 46.

⁵⁹ Puech 2004, 392–394.

⁶⁰ Nollé 1993, 312–313.

⁶¹ О том, какими дополнительными преимуществами обладали города-метрополии, см.: Puech 2004, 385–399; Heller 2006.

Вифинии и Понта, а также обладавшим двумя храмами императорского культа провинциального значения (ТАМ IV,1 25). Используя оба титула главы койнона городов Понта («верховный жрец Понта» и «понтарх»), автор надписи стремился избежать повторения титула «понтарх», поскольку устойчивая формулировка «вифиниарх и понтарх» обозначала одновременное руководство сразу двумя *κοινά*.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Aydin, B., Buccino, L., Summerer, L. 2015: Honoured, Beheaded and Buried: A New Deposit of Statues from Amastris. In: K. Winther-Jacobsen, L. Summerer (eds.), *Landscape Dynamics and Settlement Pattern in Northern Anatolia during the Roman and Byzantine Period*. Stuttgart, 219–238.
- Bekker-Nielsen, T. 2008: *Urban Life and Local Politics in Roman Bithynia: The Small World of Dion Chrysostomos* (Black Sea Studies 7). Aarhus.
- Bertolazzi, R. 2020: *Septimius Severus and the Cities of the Empire* (Epigrafia e Antichità 47). Faenza.
- Borgia, E. 2018: The kilikarchia in the Roman Province of Cilicia. In: F. Camia, L. Del Monaco, M. Nocita (eds.), *Munus Laetitia. Studi Miscellanei: offerti a Maria Letizia Lazzarini*. Vol. I. Roma, 295–320.
- Burrell, B. 2004: *Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors* (Cincinnati Classical Studies. New Series 9). Leiden–Boston.
- Campanile, M.D. 1995: Il koinon di Bitinia. Βιθυνιάρχαι e ἄρχοντες τοῦ κοινοῦ τῶν ἐν Βιθυνίᾳ Ἑλλήνων. *Studi classici e orientali* 43, 343–357.
- Dalaison, J. 2016: Néocorie et koinon: les attestations et représentations du culte impérial fédéral sur les monnaies provinciales romaines du nord de l'Asie mineure (Pont, Paphlagonie et Arménie mineure). In: A. Kolb, M. Vitale (Hrsg.), *Kaiserkult in den Provinzen des Römischen Reiches: Organisation, Kommunikation und Repräsentation*. Berlin–Boston, 189–228.
- Edelmann-Singer, B. 2015: *Koina und Concilia: Genese, Organisation und Sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im Römischen Reich* (Heidelberger Althistorische Beiträge und epigraphische Studien 57). Stuttgart.
- Edelmann-Singer, B. 2016: Die Kaiserpriesterinnen in den östlichen Provinzen des Reiches – Reflexionen über Titel, Funktion und Rolle. In: A. Kolb, M. Vitale (Hrsg.), *Kaiserkult in den Provinzen des Römischen Reiches: Organisation, Kommunikation und Repräsentation*. Berlin–Boston. 387–405.
- Fernoux, H.-L. 2004: *Notables et élites des cités de Bithynie aux époques hellénistique et romaine (IIIe s. av. – IIIe s. ap. J.-C.): Essai d'histoire sociale*. Lyon.
- Filippini, A. 2019. *Efeso, Ulpiano e il Senato. La contesa per il primato nella provincia Asia nel III sec. d.C.* (Acta Senatus: B. Studien und Materialien 5). Stuttgart.
- Gratsianskiy, M.V. 2022: Spor Nikei i Nikomidii na Khalkidonskom sobore za status mitropolii: grazhdanskiy aspekt [The Dispute Between Nicaea and Nicomedia over the Status of Metropolis at the Council of Chalcedon: The Civic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 27/6, 74–89.
- Грацианский, М.В. 2022: Спор Никеи и Никомидии на Халкидонском соборе за статус митрополии: гражданский аспект. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 27/6, 74–89.

- Heller, A. 2006: "Les bêtises des Grecs". Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (128 a.C.–235 p.C.). Bordeaux. URL: <https://books.openedition.org/ausonius/3368>.
- Herz, P. 1992: Asiarchen und Archiereiai. Zum Provinzialkult der Provinz Asia. *TYCHE: Beiträge zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik* 7, 93–115.
- Kirbihler, F. 2008: Les grands-prêtres d'Éphèse: aspects institutionnels et sociaux de l'asiarchie. In: A. Rizakis, F. Camia (eds.), *Pathways to Power: Civic Elites in the Eastern Part of the Roman Empire. Proceedings of the International Workshop Held at Athens Scuola Archeologica Italiana di Atene in December 2005*. Atene, 107–149.
- Madsen, J.M. 2009: *Eager to be Roman: Greek Response to Roman Rule in Pontus and Bithynia*. London.
- Marek, Ch. 1993: *Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia* (Istanbuler Forschungen 39). Tübingen.
- Nollé, J. 1993: Die feindlichen Schwestern – Betrachtungen zur Rivalität der pamphyliischen Städte. In: G. Dobesch, G. Rehrenböck (Hrsg.), *Die epigraphische und altertumskundliche Erforschung Kleinasiens: Hundert Jahre kleinasiatische Kommission der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Akten des Symposiums vom 23. bis 25. Oktober 1990*. Wien, 297–317.
- Nollé, J., Zellner, H. 1995: Von Anazarbos nach Mopsuestia. Historische Anmerkungen zu zwei unpublizierten Stadtprägungen der römischen Kaiserzeit aus Kilikien. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 46, 39–50.
- Price, S.R.F. 1984: *Rituals and Power: the Roman Imperial Cult in Asia Minor*. Cambridge.
- Puech, B. 2004: Des cités-mères aux métropoles. In: S. Follet (ed.), *L'hellénisme d'époque romaine. Nouveaux documents, nouvelles approches (Ier s. a.C. – IIIe s. p.C.). Actes du colloque international à la mémoire de Louis Robert, Paris, 7–8 juillet 2000*. Paris, 357–404.
- Quaß, F. 1993: *Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens: Untersuchungen zur politischen und sozialen Entwicklung in hellenistischer und römischer Zeit*. Stuttgart.
- Robert, L. 1977: La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. *HSCP* 81, 1–39.
- Ruscu, L. 2019: Zu manchen Wandlungen im religiösen Leben der Schwarzmeerpoleis in der römischen Kaiserzeit. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion*. Cluj-Napoca, 621–636.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλιων v Yuzhnom Prichernomor'ye [Τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλιων on the South Black Sea Coast]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 77.3, 651–687.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλιων в южном Причерноморье. *ВДИ* 77/3, 651–687.
- Siekierka, P., Stebnicka, K., Wolicki, A. 2021: *Women and the Polis: Public Honorific Inscriptions for Women in the Greek Cities from the Late Classical to the Roman Period*. Vol. 1. Berlin–Boston.
- Sørensen, S.L. 2016: *Between Kingdom and Koinon. Neapolis/Neoklaudiopolis and the Pontic Cities* (Geographica Historica 33). Stuttgart.
- Tvorogov, G.M. 2025: Sootnoshenie titulov organizatorov imperatorskogo kul'ta v rimskikh provintsiyakh Maloy Azii: diskussionnye voprosy [The Interrelation between Imperial Cult Organizers' Titles in the Roman Provinces of Asia Minor: Discussion Issues]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [Journal of Education and Science "History"] 16.6 (152).
- Творогов, Г.М. 2025: Соотношение титулов организаторов императорского культа в римских провинциях Малой Азии: дискуссионные вопросы. *ЭНОЖ «История»* 16/6 (152).

- Vitale, M. 2012: *Eparchie und Koinon in Kleinasien von der ausgehenden Republik bis ins 3. Jh. n. Chr.* (Asia Minor Studien 67). Bonn.
- Vitale, M. 2014: 'Pontic' Communities under Roman Rule – Polis-Identities, Provincialisation and the Koina 'of Pontus'. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Space, Place and Identity in Northern Anatolia* (Geographica Historica 29). Stuttgart, 49–61.
- Vitale, M. 2016: 'Priest' – 'Eparchy-arch' – 'Speaker of the ethnos': The Areas of Responsibility of the Highest Officials of the Eastern Provincial Imperial Cult. *Mnemosyne: A Journal of Classical Studies* 69, 82–111.
- Wu, C.-Y. 2018: *The Local Impact of the Koinon in Roman Coastal Paphlagonia. Ph.D. Dissertation. University of Pennsylvania*. Philadelphia.
- Zajac, B. 2018: Who, why, and when? Pseudo-autonomous coins of Bithynia and Pontus dated to the beginning of the second century AD. In: B. Zajac, P. Koczwara, S. Jellonek (eds.), *Pecunia Omnes Vincit. Coin as a Medium of Exchange Throughout Centuries Conference Proceedings of the 3rd International Numismatic Conference*. Krakow, 75–91.
- Zajac, B. 2023: *Between Roman Culture and Local Tradition: Roman Provincial Coinage of Bithynia and Pontus during the Reign of Trajan (98–117 AD)* (Archaeopress Roman Archaeology 100). Oxford.

HIGH PRIEST OF PONTUS, BITHYNIARCH AND PONTARCH: FEATURES OF THE TITULATURE OF MARCUS AURELIUS ALEXANDER OF AMASTRIS

Gleb M. Tvorogov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: publetvgl@yandex.ru

The article examines an inscription found in Amastris (Marek, Kat. Amastris 95), which mentions a representative of the local elite, Marcus Aurelius Alexander, as the high priest of Pontus (ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου), as well as Bithyniarch and Pontarch (Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης). This evidence has cast doubt on the so-called “identification theory”, which equates high priests and koinarchs. An analysis of sources found in the province of Bithynia-Pontus has led to the conclusion that the formulation “Bithyniarch and Pontarch” was well established over a long period and designated an official who simultaneously headed the koinon of Bithynia and the koinon of the cities of Pontus in Nicomedia. The title “ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου” should be attributed to the period of Marcus Aurelius Alexander’s service in Amastris. It is argued that the use of the two titles is associated with different periods of his career and allowed the author of the inscription to avoid repeating the title “Pontarch”.

Keywords: Roman provinces, Asia Minor, imperial cult, Bithynia, Pontus, koinon, high priest, Bithyniarch, Pontarch, metropolis